

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

ГИМНАСТИКА

ГОНЧАРОВ Н. Упражнения на гимнастических снарядах. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 136 стр. Цена 2 р. 80 к.

Единая классификационная программа по спортивной гимнастике. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 284 стр. Цена 3 р. 60 к.

ЖУРАВЛЕВ Е. Гимнастика в рабочее время. Физкультурная пауза на производстве. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 80 стр. Цена 1 р. 20 к.

ЖУРАВЛЕВ Е. Гимнастика перед работой. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 80 стр. Цена 1 р. 20 к.

КУЗНЕЦОВ Б. Гимнастика в СССР. Справочник по спортивной, художественной гимнастике и акробатике 1917—1954 годов. Изд-во «Физкультура и спорт». 1955. 512 стр. Цена 11 руб.

ЛЕВИН М. 2500 упражнений спортивной гимнастики. Соединения элементов для гимнастов-мужчин. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 224 стр. Цена 4 р. 60 к.

МИРОНОВ Н. Гимнастика. Программа-пособие по подготовке общественных инструкторов. Изд-во «Физкультура и спорт». 1956. 88 стр. Цена 1 р. 15 к.

СПЕШНЕВ Ф. Спортивно-вспомогательная гимнастика. Изд. 2-е. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 144 стр. Цена 2 р. 90 к.

ВОДНОЕ ПОЛО

Водное поло. Правила соревнований. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 32 стр. Цена 40 коп.

ПОДЖУЧКЕВИЧ В. Водное поло. Наглядное учебное пособие по технике игры. Изд-во «Физкультура и спорт». 1954. 48 стр. Цена 6 р. 90 к.

ГРЕБЛЯ

Гребля. Правила соревнований. Изд-во «Физкультура и спорт». 1957. 24 стр. Цена 30 коп.

ПЛАВАНИЕ И ПРЫЖКИ В ВОДУ

ФИРСОВ З. Плавание и прыжки в воду. Справочник за 1952—1953 годы. Изд-во «Физкультура и спорт». 1954. 248 стр. Цена 5 р. 65 к.

Перечисленные книги требуются в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

При отсутствии книг в местных магазинах заказ можно направить по адресу: Москва, Ж-109, 2-я Фрезерная, дом 14. Ассортиментный отдел Центральной оптовой книжной базы.

Заказ будет выполнен «Книга — почтой» наложенным платежом.

«СОЮЗКНИГА»

ОГОНЁК

№ 27

1958

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СТИХИ о СИБИРИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 27

А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХИ О СИБИРИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1958

А. ТВАРДОВСКИЙ

Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня 1910 года в деревне Загорье, Смоленской области, в семье кузнеца. Учился в сельской школе. Со стихами и заметками стал выступать с 1924 года в смоленских газетах.

С 1928 года А. Твардовский жил в Смоленске, учился в педагогическом институте, занимался журналистикой. В 1930 году вышла отдельной книгой его поэма «Путь к социализму» («Молодая гвардия»). В 1934—1936 годах им была написана поэма «Страна Муравия».

По окончании Московского института философии, литературы и истории в 1939 году А. Твардовский участвовал в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию и в финской кампании 1939—1940 годов в качестве специального корреспондента армейской печати.

Во время Великой Отечественной войны А. Твардовский работал во фронтовых газетах. В 1941—1945 годах написал поэму «Василий Теркин», в 1944—1946 годах — поэму «Дом у дороги». Гослитиздатом изданы его «Стихотворения и поэмы в двух томах» (3-е издание, 1957 года). Главной работой последних лет является книга «За далью — даль».

А. Твардовский награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды.

Александр Трифонович Твардовский СТИХИ О СИБИРИ

Редактор — Н. СЕКУНДОВ.

А 05315. Подписано к печати 9/VI 1958 г. Тираж 150 000. Изд. № 656.

Заказ № 1194. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

НА АНГАРЕ

(Из книги «За далью — даль»)

В крутые памятные сроки
Я побывал на Ангаре,
Когда особая для стройки
Была задача на поре.

Она была для многих внове,
Видавших всякие жары,
Все, словом, было наготове
Для перекрытья Ангара.

Все начеку, чтоб разом прыгнуть
На приступ: люди — до души,
Борта машин и стрелы кранов
И экскаваторов ковши.

Река, стесненная помалу,
Крошила берег насыпной,
Всю прибыль мощных вод Байкала
В резерве чуя за собой.

Играла беглыми цветами
И, вся прозрачная до дна,
Свиваясь длинными жгутами,
Неслась, дика и холодна.

Крутой отсвечивая гладью,
Гнала волну волне вослед,
Как будто ей и толку нет,
Что люди вправду пядь за пядью
К ней подбирались столько лет;
Что не на шутку шли подкопом
В пластах породы и песков,

Призвав сюда немалый опыт
С иных, далеких берегов;
Что эта сила, с флангов, с тыла
Пододвигаясь день за днем,
На клетки плес разгородила,
Прошла по дну и подо дном;
Вдавила вглубь рубеж бетонный,
Стальной решеткой проплетенный,
Недвижно вечный, как скала,
И, выбрав наверх гравий донный,
Громаду-насыпь возвела;
И в ней из хитрого расчета,
Убавив исподволь простор,
Реке оставила ворота,
Чтоб взять их завтра на запор.

Уже был связан мост понтонный
На быстрине — звено в звено, —
Откуда груз тысячетонный
В свой час низринется на дно.

Тот час уже в окно стучался
Не без торжественных затей:
Съезжались гости и начальство,
Корреспонденты всех статей.

Сбивалось множество народу, —
Одной гостиницы страда, —
Толпясь, глядеть на эту воду
И переглядываться:
— Д-да..

Мол, ничего себе водичка.
— Что говорить, — как зверь, люта...
— Еще учесть, что перемычка
Напротив станции снята...

Предположенья, слухи, толки,
Сужденья вольных знатоков
О недостатках подготовки,
О риске и перестраховке
И установке от верхов.

Но и о том, как эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже не дар, а дань природы,
Войдут в назначенный режим.

Сквозь дебри в должном направлении
Пути проложат напрямик,
Сгустят людские поселенья,
Жилой расширив материк.
Подтянут к центрам захолустья,
Дадут запев Сибири всей.
А там еще и Братск и Устье,
А там и братец Енисей,
А там...

Жестокий в Приангарье —
Под стать зиме — держался зной,
Уже сдавалось — пахнет гарью,
Бедой извечною лесной...

Река жгуты свои свивала,
И от лихой жары тех дней
Вода студеная с Байкала
Еще казалась холодней.
Неслась, красуясь мощью дикой,
Шипучей пеной на груди...

Всё наготове. А поди-ка,
Встань поперек. Загороди!..

С утра, с утра в тот день воскресный,
Во что горазд принаряжен,
И городской народ, и местный,
И свой на стройке, и безвестный,
Забрав подруг своих и жен
С детьми, — на праздник необычный
Теснился, точно в ГУМ столичный,
Ломился грудью, чтоб места
Занять поближе у моста.

И в самый полдень, как ни жарок,
Не убывал людской напор.
И пестр, и ярмарочно ярк,
И вместе строг был этот сбор.

Один глазел — врожденный зритель,
Любитель истый — стар ли, мал,
Другой как раз был сам водитель,
Но в эту смену не попал.

А та пришла, чтоб видеть сына
Иль мужа в самый этот час,
Когда к воде его машина
Пойдет под тысячами глаз;
А кто-то дочку по платочку,
А кто подружку на посту
Среди построенных в цепочку
Регулировщиц на мосту
Распознавал.

Но в этом сборе
Невольно каждый брал в расчет,
Что тут народ
Не на футболе,
Что праздник — праздник, да не тот.
И речь не та, и смех, и шутки...

А там, у самой Ангары,
Собрался штаб в тесовой будке,
Как улей, душной от жары.

Все службы стройки там сидели —
Воды, земли, колес, дорог.
Но всем уже речам о деле,
Как перед боем, срок истек.

Последним кругом для порядка
Поверка старших обошла,
И, на часы взглянув украдкой,
Начальник встал из-за стола.
С последней доброю затяжкой
Вздохнул — как будто с плеч гора.
И виды видевшей фуражкой
Стол обмахнул.
— Ну, что ж, пора..

Пора!
И вдруг моторы взвыли,
Секунд своих не упустив,
И самосвалы в клубах пыли
Взошли на пляшущий настил,
И развернулись по теченью
Реки — во всю длину моста,
И строим — враз, — как на ученье,
Над кромкой вздыбили борта.

Рванулся вниз флажок сигнальный,
И, точно взрыв издадека,
Громовый взрыв породы скальной
Толкнулся в эти берега.

Так первый сброс кубов бетонных,
Тех сундуков десятитонных,
Раздавшись, приняла река...

Она грядой взметнулась пенной,
Сверкнула радугой мгновенной
И, скинув рваную волну,
Сомкнулась вновь.

И видно было,
Как этот груз она катила,
Гнала по каменному дну.

И над ее волной верчѐной,
Бренча оснасткою стальной,
Мост всколыхнулся, облегченный,
И, вновь подняв заезд груженный,
Прогнулся вровень с той волной.

И снова — в очередь машины,
Под грузом тужась тяжело,
На цель с боков и середины
Зашли.

И так оно пошло.

С погрузки на мост, с моста в гору —
Заезд в заезд смыкался круг.
И был любой шофер шоферу
Как будто кровный брат и друг.

В таком взаимном береженье,
Блюдя черту — бортом к борту,—
Кругообразное движенье
Не прерывалось на мосту.

Еще тревожная задача
Наружный сдерживала пыл,
Как бой, что был красиво начат,
Но только, только начат был.
И был труднее с каждым часом
В разгаре памятного дня:

Не подоспей боеприпасы —
Бой захлебнется без огня!

Машины шли, теснясь и птясь,
Держась на той струне тугой:
Не сплеховать, не сбавить натиск,
Не проморгать беды лихой...

То был порыв души артельной,
Самозабвенный, нераздельный,—
В нем все слилось — ни дать, ни взять:
И удаль русская мирская,
И с ней повадка заводская,
И строя воинского стать,
И глазомер, и счет бесспорный,
И сметка делу наперед.

Сибиряки! Молва не врет:
Хоть с бору, с сосенки народ,
Хоть сборный он, зато отборный,
Орел-народ, как в свой черед
Плечом надежным подопрет,—
Не подведет!

Сибиряками

Охотно все они звались,
Хоть различались языками,
Разрезом глаз и складом лиц:
Но цвет был общего закала:
Сибири выслуженный дар —
Под слоем летнего загара
Еще там зимний был загар.

Тут были: дальний украинец
И житель ближних мест — бурят,
Казах, латыш и кабардинец,
И гуще прочих — старший брат.

И те, кого сюда чин чином
Везли с путевкой поезда,
И те, что по иным причинам
Однажды прибыли сюда.
В труде отбыв глухие сроки,
Перемогли урок жестокий,—
Всего видали до поры,
Бывали дальше Ангары.

Но все теперь как будто дивом,
Своею нынешней судьбой,
Одним охвачены порывом,
В семье сравнивались трудовой,
В сыновней службе не лукавой,
Огнем ученые бойцы.
Деньга — деньгою, слава — славой,
Но оверх всего еще по праву
Класс показать.

Самим по праву
Сказать:
— А что — не молодцы?

Как дорог мне в родном народе
Тот молодецкий резон,
Что звал всегда его к свободе,
К мечте, живущей испокон,
Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой,—
Тот горделивый жар особый,
Что бить — так бей,
А петь — так пой!..

Гори вовеки негасимо
Тот добрый жар у нас в груди,—
И все нам впору, все по силам,
Все по плечу, что впереди!

Немало жито-пережито,
Что хочешь будь и впредь со мной,—
Ты здесь — венец красоты земной,
Моя опора и защита
И песнь моя — народ родной!

День отпылал над сталью плеса
И долгий зной увел в закат.
Все так же по мосту колеса
Держали свой тяжелый лад.

Свергали в воду самосвалы
Свой груз — казалось, там — гора.
Как в прорву все. Как не бывало.

И Ангара —
Как Ангара.

Лишь под невиданным вовеки
Огнем прожекторных лучей
Играла,— все на свете реки
Могли завидовать бы ей.

В лучах играла вся окрестность,—
Сверкала, что дворцовый бал.
И неохотно люд воскресный
Домой с площадки убывал.

Работам ночь не помешала.
Забыто было есть и пить.
И смена смене не желала
Добром штурвалы уступить

И ночь прошла. И новый полный
День на дежурство заступил.
И все вились жгутами волны,
Все тот же был
Байкальский тыл.

Казалось, в этом русле тесном
Той силой движима вода,
Что понесут краям окрестным
Иные русла — провода...

И только в полдень, в лад со сроком,
Что был назначен неспроста,
Как над невидимым порогом,
Вода забила у моста.

И крупной пеной богатая,
Пошла в десяток рукавов,
Когда означились над нею
Углы бетонных сундуков.

Ярясь, грозясь, кипела пуще,
Гремел с бортов за сбросом сброс,
Над быстриной, ревмя ревущей,
Ходил гармонью зыбкий мост.

За сбросом сброс гремел впридачу,
Росла бетонная гряда,
Но не хотела стать стоячей
Весь век бежавшая вода.
Не собиралась кончить миром...
Я помню миг, как тень беды
Прошла по лицам командиров,
Не отходивших от воды.

Ей зоркий глаз людской не верил
Чуть стихла, силы притаив,
И вдруг, обрушив левый берег,
В тот узкий кинулась прорыв.

Слова команды прозвучали,
Один короткий взмах флажка —
И, точно танки РГК,
Двадцатитонные «минчане»,
Качнув бортами, как плечами,
С исходной, с грузом — на врага.

И ни мгновенья передышки —
За самосвалом — самосвал,
Чтоб в точку, в душу, наповал!

Так путь воде закрыл завал.
И оператор с киновышки
Хватился поздно — кадр пропал.

И знать, для сходного конфуза,
На верхотуре выбрав пост,
Отваги полный, член союза
Художников сидел, как дрозд.

Высоким долгом, не корыстью,
Он в эти движим был часы —
У Ангары своею кистью
Перехватить ее красы.

Но жалок был набросок смутный,
Не поспевала кисть вослед
Реке, менявшей поминутно
Своей волны летучий цвет.

И я над кипенью студеной,
В числе растроганных зевак

Стоял, глазел, как пригвожденный.
Начальник подошел.

— Ну, как?

Поэма будет? Чем не тема!

И я, понятно, не простак,

Ответил:

— Вот она, поэма!

Он усмехнулся:

— Так-то так...

Под нами шла река, стихая.

Мы понимали — он и я:

Поэма, верно, неплохая,

Да жаль, покамест не твоя..

Тем часом мост махал флажками,
Не остывая, длился бой.

Вслед за кубами-сундуками

Пошел в отгрузку дикий камень,

Бетонный лом, кирпичный бой...

Уже бульдозеры, направив

На перемышку лемеха,

Пошли пахать песок и гравий,

На ней сближая берега.

Уже слабел напор в запруде.

Но день тревожен был и труден,

Дождем грозился тяжкий зной.

Как на лугу, спешили люди

С последней справиться копной.

Курил начальник, глядя в воду,

Предвестьем скрытно удручен.

Он знал, что не бюро погоды,

Нет, и за дождь ответит он.

Седой крепыш, майор запаса,

По мерке выверенной сшит,

Он груз и нынешнего часа

Нес, как солдату надлежит.

Мол, тяжелей — как без привычки,

А наше дело — не впервой.

И в гром работ на перемышке

Ворвался праздный, гулевой

Гром сверху.

Капли забренчали
По опорожненным бортам.

— Ну, хлопцы, не было печали.
Держись.

И все держались там.

Закисежилась, как трясина,
На съезде глинистая грязь.
Свалив свой груз, одна машина
Вдруг задом, задом подалась
К воде. Мотор завыл натужно...
— Ребята! — вскрикнул бригадир.
Вцепились. Раз-два! Взяли!

Дружно! —

В боях испытанный буксир.

Вдохнули все, расправив спины.
Не веря сам, что он живой,
Водитель вылез из кабины,
Как из-под крышки гробовой,
И огляделся виновато.

Тут смех и ругань:

— Эх, тулуп!

И вывод малость грубоватый:

— Механизация, ребята,

Проходит тоже через пуп...

И все веселыми глазами:

И пожилые и юнцы —

Блестели, хоть и не сказали

Тех слов: «А что — не молодцы?..»

Короткой сверзившись напастью,

Дождь оторвался от земли,

И в вечер сумерки ненастья

И в ночь без грани перешли...

Победа шла с рассветом ранним,

Обмытым с ночи тем дождем.

Река еще текла в проране,

Но тихо было под мостом.

Теперь она была похожа

На мелкий в каменистом ложе

Разгон теряющий поток.

Потом —
На горный ручеек,
Что мог перешагнуть прохожий,
Не замочив, пожалуй, ног.

Осталось двум бульдозеристам
Завалом влажным и зернистым
Угломнить и тот ручей,
Что был меж них чертой ничьей.

Лицом к лицу — попеременно —
То задний ход,
То вновь вперед.
На них двоих уже вся смена
Глядела — кто же перейдет.

Сближая гравий планировки,
Вели тот спор между собой
Один — в заношенной спецовке,
Другой — в тельняшке голубой.

Ждала, глядела, замирая,
Вся смена, сбившись на мосту,
Тому и этому желая
Скорее выйти за черту.

Были налицо их пыл горячий:
Кому открыть по гребле путь.
Но с виду — словно той задачей
Не озабочены ничуть.

Пошел, пошел по самой бровке
Тот, что в тельняшке. Заспешил.
Затор! И первенство — спецовке.
И оба спрыгнули с машин.

Да, это видеть было надо,
Как руку встретила рука.
Как будто, смяв войска блокады,
Встречались братские войска.

Двух встречных армий два солдата —
Друг другу руки жмут ребята.

Аплодисментов drobный град
Затихнул. Щелкнул аппарат...

Что дальше делать — вот задача.
Вдруг кто-то в голос — сверху вниз —
«Целуйтесь, черти!» — чуть не плача,
Вскричал. И хлопцы обнялись.

Минула памятная веха,
Оставлен сзади перевал.
И тут уже пошла потеха,—
Я сам кого-то обнимал.

Со всех бессонье и усталость —
Долой. Одна под смех кругом
Девчонка слабо отбивалась
От парня свернутым флажком.

Тот час рассветный, небывалый,
Тот праздник дерзкого труда
Я не забуду никогда...

Как мне тебя недоставало,
Мой друг, ушедший навсегда...
Кто так, как ты, еще на свете
Речам, глазам и лицам этим
До слез порадоваться мог!
Зачем же голос твой умолк?..

Все выше, словно по ступеням,
Шел торжества отрадный час.
Спецзавтрак был объявлен смене
И краткий праздничный приказ.

Уже народ подался с моста,
Гадая в простоте сердец,
По полтора ста или по сто
На брата выйдет этот «спец»...

Шутила зрелость, пела юность,
И, чистым пламенем горя,
С востока тихо развернулась
В треть неба дымная заря.

Над лесом кранов, эстакадой,
Над главной насыпью-горой,

Над юным городом по скату,
Над Ангарой,
Над Ангарой —
Заря, заря прошла, сгорая
При свете утренней поры,
И следом солнце красным краем
Большое вышло из горы.

Блестела светом залитая,
Дождем обмытая трава...

Ах, как горька и неправда
Твоя седая, молодая,
Крутой посадки голова...

На стройке день вставал обычный,
Своих исполненный забот.
И отбывал уже столичный
И прочий гостевой народ.

Уже смекал я, беспокоясь,
Какой за этот жаркий срок
Ушел по счету дальний поезд
На Дальний собственно Восток;
В твой край отцовский, изначальный,
Тобой прославленный.

Прости,
Но только памятью печальной
Одной не мог я жить в пути.
Моя заветная дорога,
Хоть и была со мной печаль,
Звала меня иной тревогой
И далью, что сменяет даль.

И память ныне одоленной,
Крутой ангарской быстрины,
Как будто замысел бессонный,
Я увозил на край страны.

1957

СИБИРСКАЯ ЗЕМЛЯ

Тайга, река, откосы гор,
По хвойной тьме — березы просесть.
И всё кругом — как бы укор
Из давней давности доносит...

Земля пробитых в глушь путей
И молодых огней и дымов,
Как мало знала ты людей,
Кому была б землей родимой.

Кому была бы той одной,
Что с нами в радости и в горе,
Как юг, как степь душе иной,
Как мне навек мое Загорье.

Кто с детства эти берега
Своими вымерял стопами,
Кому была бы дорога,
Мила до гроба эта память.

Нет, где уж там! Скорей забыть
Места, где жизнь была задачей
Тот срок отбыть иль рубль добыть
И вспять податься — не иначе.

Недоброй славы край глухой.
Закат над лиственничным бором.
Ушел тот век, настал другой,
Но ты — всё ты с твоим укором,

С твоей застывшею тоской,
С угрюмой ревностью исконной
К местам, сманившим род людской
Добром земли своей зеленой,

Где воды тише и теплей,
Леса светлей, доступней горы
И под навесами аллей
Цепочкой входит город в город;

Где все углы заселены
И поколениями угреты,
А до тебя, как до Луны
Или еще как ~~до Луны~~

К тебе как будто нет дорог
И поездов обыкновенных,
Хоть ты не так уже далек
От этих мест благословенных.

Во много раз ты ближе стал
С тех пор, как трассой проторенной
Твой лес, твой уголь и металл
Идут на запад утепленный;

С тех пор, как полной мерой дань
Страна твоей приносит славе,
Но ты, бывшая глушь и даль,
Еще питать ту ревность вправе.

И я скажу: в твоей судьбе
С ее угрюмостью студеной,
Чего недодано тебе —
Так это песни, здесь рожденной!

Что из конца прошла б в конец
По всем краям с зазывной силой
И с миллионами сердец
Тебя навеки породнила.

Мне честь была бы дорога
И слава — не товар лежалый,
Когда бы хоть одна строка
В той песне мне принадлежала.

1957

ДВЕ ОКИ

Река Ока,
Но не эта, —
Другая река,
В другой части света.

Кругом тайга,
Глухи берега,

Угрюмы воды.
А эта Ока
Далека-далека,
Как детства годы.

В дали своей
Течет, мелея.
Она и теплей,
И теплей, и светлей,
И куда милее.

И весь он мил
До малой приметы
Тот край, тот мир,
Обжитый, угретый,
В песнях воспетый.

В пойме Оки —
Луга, ивняки;
Повыше — нивы;
В селе, в городке
Сбегают к реке
Вишни, сливы.

Ее берега
Светлы, привольны.
А тут — тайга,
Тайга и тайга
В притеми хвойной.

У этой реки
В глубине Сибири,
У этой Оки,
Безвестной в мире,
Всего и есть
Вся ее слава
И вся ее честь —
Пора лесосплава...

Так мало людей
В стране огромной,
Кто бы о ней,
Как о родной, вспомнил.

О родной реке,
Сибирской Оке,

Полноводной, могучей,
Что шумит вдалеке,
В иркутской тайге,
Под береговой кручей.

Чтоб в иной стороне
Теплее стало,
Как нынче мне
При мысли о старой
Оке, чьи воды
От этой реки
Далеки-далеки,
Как детства годы...

1957

ПОРОГ ПАДУН

Грядой прибрежных гор укрыт,
Порог Падун еще далек.
Еще невидимый трубит
В свой допотопный грозный рог.

Крутой подъем, и вспыхнул плес
Реки, укрытой до поры.
И камешки из-под колес
С отвесной кинулись горы.

Над самой кручей — поворот
И — Ангара — река из рек.
И стадо каменное, брод
Загородившее навек.

Три океана с той поры
Воды, наверно, утекло,
Как это стадо от жары
В широком русле залегло.

И в этой кипени седой
Хребты, бока, горбы, зады
То пропадают под водой,
То выступают из воды.

Так вот он — сам Падун-порог
В просторном створе берегов!
Он невысок, зато широк:
То стадо в тысячи голов.

Хмелен от собственных щедрот,
Сугробы пены гонит он
К подножью каменных ворот,
И звон окрест стоит и стон.

И звон, и стон, и вой, и рев,
Вода в жгуты перевита,
Как будто каменных коров
Загнать стремится в ворота —
В пролом скалы, в разрыв горы.
Но даром ярость Ангары.

Но даром весь ее напор:
Недвижно скопище камней.
Лишь эхо каменное гор
Тройным раскатом вторит ей.

Стой и гляди. Запоминай.
Таков он был, Падун-порог,
Таков он был, окрестный край,
Когда уже им вышел срок.

В тот срок у запертых ворот
Над белопенным Падунном
Сомкнулась толща тяжких вод
И стала кипень тихим дном.
И плавно поверх Падуна
Морская двинулась волна.

На глубине утих порог,
Умолк его могучий рог
Навек. И часть красы земной
Ушла, чтоб место дать иной...

1957

ОТ ИРКУТСКА ДО БРАТСКА

Высоковольтная линия электропередачи
Иркутск — Братск вступила в строй.
(Из газет)

Этот подвиг солдатский —
Он не даром в чести:
От Иркутска до Братска
Ты струну навести.
Через горы и пади,
Сквозь тайгу на ура,
Где ни шага, ни пяди
Без дружка-топора,
Без пилы да мотора,
Да по сходству с войной —
Тягача-корнедёра
И взрывчатки порой;
Тяжёлый вывесить провод
Вровень с дикой тайгой
И по линии новой
Ток для стройки другой
На подмогу направить
В срок, что планы велят...

Как не петь их, не славить,
Тех таежных солдат!

Что же за люди это,
Что за мощь, что за стать!
Их в прошедшее лето
Мне случалось встречать.
Той жарой пропеченных
В непривычных местах —
Пареньков и девчонок
В неизменных штанах
И целинных ковбойках,
Горожан и сельчан,
Присмиривших и бойких,
Москвичей и минчан,
Киевлян, ленинградцев
И землячеств иных...

От Иркутска до Братска
Фронт держался на них...

Буреломы да гари,
Лес живой — грудь на грудь,
Мертвый лес под ногами,
Заграждающий путь.
Духотища лесная,
Будто влез на полók,
И вода привозная —
Скудный в сутки паек.
И ни срока, ни часа
От нещадной мошкí...

Так и строилась трасса
Сквозь тайгу напрямки.

Виды видела обувь,
Все, как было в войну...

Но запомнил особо
Я девчонку одну.

С новой грубой наукой
Плохи вышли дела:
Поврежденную руку
В тыл, как ляльку, несла.
Смесь восторга и боли —
Это было и тут,
Как у всех, что из боя
С легкой раной идут.
Рана — что же дивиться:
Рана в деле — почёт
И возможность отмыться,
Отоспаться не в счет...

И по сходному праву
Та девчонка-солдат,
Ну, почти что со славой --
Из тайги — на Арбат.

Впереди телеграмма,
Следом поезд прямой.
Вот и папа и мама
И мошкí — никакой.

Благодать, не поспоришь.
Но сегодня, гляди,

Вдруг вселяется горечь
У девчонки в груди.
— Вот до заданной цели,
До победного дня
Там дошли. Одолели
Все труды — без меня...

И утратой немалой
Та покажется даль.
Даже папа и мама
Тут помогут едва ль.

1957

РАЗГОВОР С ПАДУНОМ

Ты все реवेशь, порог Падун,
Но так тревожен рёв:
Знать, ветер дней твоих подул
С негаданных краев.
Подул, надул — нанес людей:
Кончать, старик, с тобой,
Хоть ты по гордости твоей
Как будто рвешься в бой.

Мол, сила силе не ровня:
Что — люди? Моль. Мошкá.
Им, чтоб устать, довольно дня,
А я не сплю века.

Что — люди? Кто-нибудь сравни:
Затеяв спор с рекой,
Ах, как медлительны они, —
Проходит год, другой...
Как мыши робкие, шурша,
Ведут подкоп в земле
И будто нянчат груз ковша,
Качая на стреле.

В мороз — тепло, в жару им — тень
Подай: терпеть невмочь,
Подай им пищу, что ни день,
И крышу, что ни ночь.

Треть суток спят, встают с трудом,
Особо, если тьма.
А я не сплю и подо льдом,
Когда скует зима.
Тысячелетья песнь мою
Пою горам, реке.
Плоты с верховья в щепки бью,
Встряхнувшись налегке.
И за несчётный ряд годов,
Минувших на земле,
Я пропустил пять — шесть судов, —
Их список на скале...
И челноку и кораблю
Издrevле честь одна:
Хочу щажу, хочу топлю, —
Все в воле Падуна.

О том пою, и эту песнь
Вовек не перепеть:
Таков Падун, каков он есть,
И был и будет впредь.
Мой грозный рев окрест стоит,
Кипит, гремит река...

Все так. Но с похвальбы, старик,
Корысть невелика.
И есть всему свой срок, свой ряд,
И мера, и расчет.
Что — люди? Люди, знаешь, брат,
Какой они народ?
Нет, ты не знаешь им цены,
Не видишь силы их,
Хоть и слова твои верны
О слабостях людских...
Все так: и краток век людской,
И нужен людям свет,
Тепло, и отдых, и покой, —
Тебе в них нүжды нет.

Еще не все. Еще у них,
В разгар самой страды,
Забот, хлопот, затей иных
И дела — до беды.
И полудела, и причуд,
И суеты сует.
Едва шабаиш, —

Кто — в загс,
Кто — в суд,
Кто — в баню,
Кто — в буфет...
Бегут домой, спешат в кино,
На танцы — пыль толочь.
И пьют по праздникам вино,
И в будний день не прочь.
И на работе — что ни шаг,
И кто бы ни ступил —
Заводят множество бумаг,
Без них им свет не мил.
Свой навык принятый храня
И опыт привозной,
На заседаниях по три дня
Сидят в глуши лесной.
И буквы крупные любя,
Как будто для ребят,
Плакаты сами для себя
На соснах громоздят.
Чуть что — аврал: «Внедрить! Поднять —
И подвести итог!»
И все досрочно, — не понять:
Зачем не точно в срок?..
А то о пользе овощей
Вещают ввысоке
И славят тысячи вещей,
Которых нет в тайге...
Я правду всю насчет людей
С тобой затем делю,
Что я до боли их, чертей,
Какие есть, люблю.
Все так. И тот мышинный труд —
Не бросок он для глаз.
Но приглядишь, а нет ли тут
Подвоха про запас?
Долбят, сверлят — за шагом шаг —
В морозы и жары.
И под Иркутском точно так
Все было до поры.
И там до срока всё вокруг
Казалось — не всерьез.
И под Берлином — всё не вдруг,
Всё исподволь велось...
Ты проглядел уже, старик,

Когда из-за горы
Они пробили бечевник
К воротам Ангары.
Да что! Куда там бечевник! —
Таежной целиной
Тысячеверстный — напрямик —
Проложен путь иной.
И тем путем в недавний срок,
Наполнив провода,
Иркутской ГЭС ангарский ток
Уже потек сюда.
Теперь ты понял, как хитры,
Тебе не по нутру,
Что люди против Ангары
Послали Ангару.
И та близка уже пора,
Когда все разом — в бой.
И что Берлин,
Что Ангара,
Что дьявол им любой!
Бетон, и сталь, и тяжкий бут
Ворота сузят вдруг...
Нет, он недаром длился, труд
Людских голов и рук.
Недаром ветер тот подул.
Как хочешь, друг седой,
Но близок день, и ты, Падун,
Умолкнешь под водой...

Ты скажешь: так тому и быть;
Зато удел красив:
Чтоб одного меня побить —
Такая бездна сил
Сюда пришла со всех сторон;
Не весь ли материк?
Выходит, знали, что силен,
Робели?..

Ах, старик,
Твою гордыню до поры
Я, сколько мог, щадил:
Не для тебя, не для игры, —
Для дела — фронт и тыл.
И как бы ни была река
Крута — о том не спор, —
Но со всего материка

Трубить зачем же сбор!
А до тебя, не будь нужды,
Так люди и теперь
Твоей касаться бороды
Не стали бы, поверь.
Ты присмирел, хоть песнь свою
Трубишь в свой древний рог.
Но в звуках я rozpoзнаю,
Что ты сказать бы мог.

Ты мог бы молвить: хороши!
Всё на одни весы,
Для дела всё. А для души?
А просто для красы?
Так — нет?..

Однако не спеши
Свой выносить упрек:
И для красы и для души
Пойдет нам дело впрок...
В природе шагу не ступить,
Чтоб тотчас, так ли, сяк,
Ей чем-нибудь не заплатить
За этот самый шаг...

И мы у этих берегов
Пройдем не без утрат.
За эту стройку для веков
Тобой заплатим, брат.
Твоею пенной сединой,
Величем диких гор.
И в дар Сибири свой — иной
Откроем вдаль простор.

Морская ширь — ни дать ни взять —
Раздвинет берега,
Байкалу-батюшке под стать,
Чья дочь — сама река.
Он добр и щедр к родне своей,
И вовсе не беда,
Что, может, будет потеплей
В тех берегах вода.
Теплей вода,
Светлей места, —
Вот так, взамен твоей,

Придет иная красота, —
И не поспоришь с ней...

Но кисть и хитрый аппарат
Тебя, твой лик, твой цвет
Схватить в натуре норовят,
Запечатлеть навек.
Придет иная красота
На эти берега.
Но, видно, людям та́ и та́
Нужна и дорога́.

Затем и я из слов простых
И откровенных дум
Слагаю мой прощальный стих
Тебе, старик Падун.

1958

СТАРОЖИЛ

— Тебя-то какими судьбами
Сюда, старика, занесло,
В тайгу, где ни печки, ни бани,
Ни город еще, ни село?
— Молчи, неприятное дело —
Цыганские эти шатры.
Душа не на месте, а тело
Скорбит от лихой мошкары.
И сам бы, признаться, едва ли
Решился когда-нибудь я
В такие отправиться дали.
— А что за причина?
— Своя...
Мне зять не великая шишка,
Да с ним же — родимая дочь.
Ну, словом, взбодрить им домишко,
Как хочешь, а надо помочь.
Затем и решился и прибыл,
Задача еще по плечу.
А лесу — любого на выбор,
Что видишь, — руби — не хочу.
Поставлю им дом, по хозяйству

Что надо еще — смастерю.
И вот вам: живи, размножайся, —
Я так или нет, говорю?
— Еще бы! Житейское дело:
Уж ежели дом, так в дому
И теплое место для деда
Найдется...
— Как раз — ни к чему.
Помóчь — это случай особый,
А чтобы в такие лета,
Да разве то мыслимо, чтобы
Родные покинуть места?!
Не шутка. Не лапоть на лапоть
Сменить — иль сапог на сапог...
— Так, значит, обратно? На запал?
— Зачем же, — как раз на восток.
На Шилку. Свой дом не холодный.
— Ага, ты родился там, дед,
Тех мест старожил первородный?
— И так, и опять-таки — нет.
Родился я в местности дальней:
В селе Бизюки, на Днепре,
А прибыл с отцом в Забайкалье
Мальчонкой — еще при царе.
С тех пор прижились в Сибири.
Как вспомнишь — за столько годов
Каких мы с отцом не рубили
Из вольного леса домов.
Собрать воедино те срубы,
Что были воздвигнуты врозь —
Ну город бы, — дорого-любо, —
И вот где рубить привелось...
— А как, не бывает порою,
Что вспомнишь о той стороне?
— Ну, как не бывает, — не скрою:
Бывает, но больше во сне...
Отец — тот берег топорище
Смоленской березы своей.
И все говорил, что кладбище
И то на Днепре веселей.
А я рассуждаю об этом:
Где смолоду труд положил,
Жизнь прожил да вырастил деток, —
Вот там ты и есть старожил.

ЕЩЕ О СИБИРИ

Сибирь не любит насаждений —
Не зря в народе говорят:
Порой пятна листвяной тени
На сто дворов не встретит взгляд.

И суть не в том, что злы морозы, —
Не о вишневых речь садах, —
Но хоть бы ствол мелькнул березы
Иль куст рябины на задах.

Домов обветренная серость,
Задворков голых скучный вид, —
Вся неприютная оседлость —
Она о многом говорит.

О том, как деды в диком крае
За трудным пашенным добром
Ходили в бой, отодвигая
Тайгу огнем и топором;

Тайгу, что их теснила тенью
И свой вела из года в год
На тех завидных, жирных землях
Извечный севооборот.

Какая к лесу будет жалость,
Зачем он был — тот самый куст:
За ним тайга вблизи держалась,
И мрак, и глушь, и зверь, и гнус...

Нет, даже спрашивать неловко
Насчет посадочных забот
В таких местах, где раскорчевка
И нынче в поле — жаркий пот;

Где ради каждой новой сотки
Земли из-под вчерашних пней
Гремят бульдозеры, лебедки,
Взрывчатка ухаает на ней...

Все так. Но тем еще дорожѐ
Душе моей, когда порой
И здесь увидишь вдоль дороги
Березок юных ровный строй;

Цепочку елей малолетних,
 Подростков тополей чреду, —
 Они для глаза тем приметней,
 Что вся тайга еще в виду;

Вся эта просека Сибири
 Вдоль знаменитого шоссе, —
 Вовек без надобности были
 Ей даже думы о красе.

И светлой верю я примете,
 Не в дальних далях вижу срок,
 Когда и этот край на свете
 Мы обратим до пяди впрок, —

С не меньшей, может быть, любовью,
 Чем та, что знают на земле
 Сады и рощи Подмосковья
 Иль Крым, ухоженный в тепле.

1958

СОДЕРЖАНИЕ

На Ангаре (Из книги «За далью — даль») . . .	3
Сибирская земля	17
Две Оки	18
Порог Падун	20
От Иркутска до Братска	22
Разговор с Падунот	24
Старожил	29
Еще о Сибири	31
